

Шагж-Махал

ЛЮБОВНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

INDIRA
MCDOWELL

The Taj Mahal

A NOVEL ABOUT
IMMORTAL
LOVE

ИНДИРА
МАКДАУЭЛЛ

Шагж-Махал

РОМАН
о БЕССМЕРТНОЙ
ЛЮБВИ

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М15

Indira McDowell
THE TAJ MAHAL
A novel about immortal love

Оформление серии *С. Курбатова*

Макдауэлл, Индира.
М15 Тадж-Махал. Роман о бессмертной любви / Индира Макдауэлл. — Москва : Издательство «Э» : Яуза, 2016. — 640 с. — (Тадж-Махал. Любовный детектив).

ISBN 978-5-699-83553-9

В центре знаменитого мавзолея ТАДЖ-МАХАЛ найдено тело продюсера одноименного фильма, который должен стать первым совместным блокбастером Болливуда и Голливуда. Газеты трубят, что это не просто убийство, а ритуальное жертвоприношение — у покойного вырезано сердце. За день до этого в Лондоне совершено нападение на Букингемский дворец, откуда похищен уникальный бриллиант «Тадж-Махал» в форме сердца стоимостью 200 миллионов фунтов. Все следы ведут в Индию, и бывший спецгент британской полиции Джейн Макгрегори отправляется «под прикрытием» в Агру, чтобы найти убийц и разгадать древнюю тайну. Она еще не знает, насколько рискованным будет это дело, и какие опасности подстерегают ее за кулисами Болливуда, в страшных трущобах Мумбаи и «городе мертвых» Варанаси. Она пока не догадывается, что за зловещие силы включились в охоту за бесценным алмазом, и какой приговор вынесен прославленному Тадж-Махалу, который величают «восьмым чудом света» и «памятником бессмертной любви». Ей предстоит на собственном горьком опыте удостовериться, насколько темной и разрушительной бывает страсть и что кровавые ритуалы жестоких богов — вовсе не сказка.

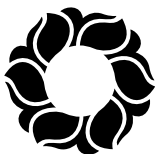
Однажды любовь уже разбила Джейн сердце — в буквальном смысле слова! — но она вновь готова рисковать жизнью, чтобы Свет вечной любви, Свет Тадж-Махала одолел любовное наваждение беспощадной богини Кали!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83553-9

© Н. Павлицева, А. Кошелев, 2016
© ООО «Издательство «Яуза-пресс», 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог 1

Неред рассветом Тадж-Махал словно плывет в нежной дымке. Так и задумано, ведь это памятник любви, памятник мечте, он должен выглядеть невесомым, словно сама мечта.

Губы Шах-Джехана тронула легкая грустная улыбка. Мумтаз Махал понравился бы этот памятник, как и тот, что он сотворил собственными руками.

Шах-Джехан протянул в сторону белоснежного чуда, хорошо видного с места его заточения — башни Ясмин в Красном Форте, — руку, на раскрытой ладони которой лежал великолепный алмаз.

Он мог бы шлифовать и шлифовать грани этого бриллианта еще много лет, ведь нет предела совершенству. Но сколько ни оттягивай, приходится признавать, что работа завершена.

Шах-Джехан сказал об этом дочери еще вчера — да, он закончил огранку, и бриллиант можно положить на место.

Никто за все эти годы не видел камень ни на какой стадии его обработки. Никто и не увидит, только Джаханара, она единственная достойная взять в руки алмазный памятник своей матери, единственная сможет сохранить и память, и бриллиант.

— Отец...

Голос старшей дочери так похож на голос Мумтаз! Или ему просто кажется, ведь сама Мумтаз умерла много лет назад, когда Джаханара была совсем юной девушкой. Дочь посвятила свою жизнь отцу, она разумней всех остальных детей, разумней принцев и ставшего падишахом Аурангзеба. Джаханара вполне могла бы сама взять власть в руки, но предпочла помогать Шах-Джехану.

Принцесса — единственная опора Шах-Джехана и теперь, в его противостоянии сыну.

Джаханара никогда не была так красива, как Мумтаз, а ожоги после пожара и вовсе изуродовали лицо дочери бывшего падишаха, но внешняя красота не главное, если есть душа и разум.

Шах-Джехан обернулся:

— Смотри.

На его ладони лежало то, что он столько лет прятал даже от дочери, — алмаз в форме сердца.

Джаханара ахнула, дрожащими от волнения руками принимая совершенное творение, символ негаснущей любви бывшего падишаха к своей жене.

Рассветное солнце бросило первые лучи в башню Ясмин, где по воле сына проводил свои дни Шах-Джехан. От граней алмазного сердца во все стороны разлетелись крошечные солнечные зайчики. Джаханара зачарованно смотрела на чудо на ладони.

— Отец!

— В нем, как и в тебе, душа Мумтаз. Ты должна сохранить то и другое. Оставайся такой, какая ты есть, и придумай, как спрятать камень от брата и других алчных людей на земле. Душа Мумтаз должна жить, ведь это сама любовь. Без любви человечество погибнет.

Джаханара подняла на отца глаза. Теперь она понимала многое из того, что делал и говорил отец в последние годы. Вот чему были посвящены его дни, его думы, вся его жизнь после смерти матери — он пытался сохранить не просто память о прекрасной, умной и горячо любимой им женщине, Шах-Джехан делал все, чтобы сохранить для людей саму любовь.

Джаханара подумала, что отец прав: если погибнет это алмазное сердце, на земле воцарится мрак. Нет, темно не станет, но если умрет любовь, то наступит время индийской богини Кали — богини смерти и разрушения.

— Я сохраню, отец. Навеки сохраню.

Он поцеловал дочь в макушку.

— Я не сомневался в этом. Ты должна надежно спрятать его.

— Да, отец.

Шах-Джехан в последний раз в жизни взял в руки бриллиант. Камень был теплым... Возможно, от рук Джаханары, а может, просто от того, что был огранен в форме сердца.

— Иди, тебе пора...

Падишаха многие считали странным из-за его любви и верности давно умершей жене. Мумтаз была королевой меньше двух лет, ее не успели узнать даже придворные, она не успела построить школы или больницы, мечети или приюты, не успела раздать много милостины как жена падишаха, не успела повлиять на его дела при жизни. Ее просто не знали.

И мало кто знал, что все оставшиеся годы Шах-Джехан каждую минуту мысленно советовался с женой, большинство решений выверял с ее возможным мнением. А если это не удавалось, советовался со старшей дочерью Джаханарой, которая подсказывала отцу так, как подсказала бы мать.

Соглядатаи сообщали падишаху, что его опальный отец в своей башне Ясмин в Красном Форте Агры по-прежнему много времени проводит в обществе старшей дочери Джаханары и за огранкой бриллиантов. Но одна из прислужниц сумела заметить, что бывший падишах уже не так старательно занимается драгоценными камнями, а главное — он больше не таится.

Аурангзеб, теперь носивший имя падишах Аламгир, то есть владеющий миром, был не так прост и понял, что главный камень своей жизни Шах-Джехан все же огранил. Сын не знал, что это за бриллиант и какая у него сила, но опасался. Недаром твердили, что алмазы обладают мистическими свойствами помогать людям или убивать их.

Сын захватил власть, свергнув отца, и ему стоило бояться. Что за камень гранил столько лет бывший падишах? Что если этот бриллиант сильнее «Кохинора» и поможет Шах-Джехану вернуть трон? Это самая страшная угроза для падишаха-узурпатора.

И он решился.

Шах-Джехан был изумлен: сын все эти годы не так часто показывался в его покоях, по пальцам одной руки сосчитать можно. Мысленно он усмехнулся: сколь же разумна Джаханара, она предсказывала, что брат скоро появится.

Аурангзеб не стал терять времени даром:

- Где алмаз, что ты огранил?
- Какое тебе дело? Мало всего, что получил, захватив власть?
- Что я получил, пустую казну?! — Однако Аурангзеб быстро взял себя в руки. Он не глупей сестры. Устало прикрыл глаза, тихим, но твердым голосом потребовал: — Я хочу знать, что это за камень, за чем он тебе.

Возможно, расскажи отец правду, сын не стал бы ничего предпринимать, его не интересовали любовь и память, Аурангзеб всегда был реалистом. Но Шах-Джехан счел сына недостойным знать об алмазном сердце и лишь помотал головой:

— Ты ошибаешься. Не было никакого камня.

Мысленно он добавил: было лишь алмазное сердце.

Аурангзеб понял, что отец ни за что не выдаст тайну, и зашипел прямо ему в лицо:

- Ты сам выбрал свою судьбу!
- А ты свою, — твердо глядя в глаза сыну, ответил Шах-Джехан. Круто развернувшись, падишах бросился прочь.

Со следующего дня Шах-Джехан вдруг заболел. А взволнованной Джаханаре он объяснил:

— Все, как я и ожидал. Но теперь не страшно, я все выполнил, остается только ждать встречи с моей Мумтаз.

Он проболел несколько дней, постепенно слабея. Чувствуя приближение смерти, позвал Джаханару.

Больного старика, который не в состоянии был даже подняться с постели, по приказу его сына-падишаха держали под замком. Дверь заперли сразу, как только в комнату вошла его дочь. Были закрыты и окна — сын боялся, что отцу поможет бежать и спасут от смерти.

Из-за этого в помещении стоял смрад от чадящих светильников, но Джаханара не замечала этого — она видела только горящие отцовские глаза на исхудавшем лице.

— Джаханара, я ухожу к матери. Ты должна бежать, прямо сейчас бежать. Не жди моей смерти, как только меня не станет, Аурангзеб возьмется за тебя.

Джаханара понимала, что отец прав. Только она знала тайну алмаза и не могла выдать ее брату или допустить, чтобы тайна погибла вместе с ней.

— Да, отец. Прощай. Скажи маме, что я спасу ее сердце.

— Прощай, Джаханара.

Даже под пытками слуги не рассказали, как сумела исчезнуть из запертой комнаты сестра падишаха. Не признались потому, что не знали сами. Аурангзеб понял это только через несколько дней, когда обнаружили тайный ход из башни в дом, где когда-то жила их мать, будущая Мумтаз Махал. Дом давно стоял закрытым, и Джаханары там, конечно, уже не было.

— Они перехитрили меня...

Мертвый отец больше не был угрозой для сына на троне, но о камне Аурангзеб не забыл. По приказу падишаха слуги тайно совершили страшное кощунство — они перевернули в Тадж-Махале все, не считаясь с захороненными там Мумтаз Махал и теперь Шах-Джеханом. Однако никакого алмаза не нашли.

Может, его и не было? — усомнился падишах. — Может, таинственный бриллиант лишь плод воображения служанки?

Он не жалел, что расправился с отцом. И без того он позволил ему долго жить. Кто восходит на трон, обычно уничтожает соперников, кем бы те ни были. И об исчезновении сестры тоже не жалел. Эта старуха (как еще назвать сорокапятилетнюю женщину?) с изуродованным огнем лицом была бы при дворе постоянным укором брату.

Аурангзеб вздохнул свободней и подумал, что давно следовало освободиться от этих двоих...

Индира Макдауэлл

А Джаханара, узнав о попытке брата найти камень, только улыбнулась:

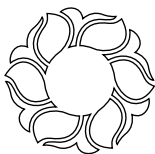
— Отец, мама, я хорошо спрятала алмазное сердце. Его никогда не найдут алчные люди, и оно всегда будет символизировать любовь...

На нее чистыми васильковыми глазами смотрела младшая внучка, о существовании которой не подозревал даже всемогущий падишах. Не все стоит знать тем, кто на троне.

Зато сама Джаханара точно знала, кому следующему передаст тайну алмазного сердца, тайну любви и сердца ее матери Мумтаз Махал...

Пролог 2

Месяц на небе словно тонкий серпик, но яркий свет звезд заливал все вокруг как при полной луне, делая тени короткими и не позволяя скрыться.

Но он все равно надеялся, что это удастся. Или заметит охрана Тадж-Махала. Где они, ну где?! Когда не нужно, тут как тут со своими окриками, а сейчас словно провалились.

Он никогда не был ни очень сильным, ни смелым, но если на кону жизнь, то и трусливый становится львом, и слабый обретает силу буйвола. Почувствовав, что захват на мгновение ослаб, он рванулся, сбивая обидчика справа с ног и одновременно резко дергая того, что слева.

Удалось освободиться. Конечно, его схватят снова — одному с тремя не справиться, но он надеялся добежать до светлого пятна, чтобы заметили охранники сверху. Не удалось, он-то добежал, но охрана словно испарилась!

Тогда он рванул, наоборот, в тень от столбов здания. Может, получится спрятаться там, упасть куда-нибудь и пролежать тихо, как мышь, до самого утра? Он бежал от столба до столба, от двери до двери, от стены до стены... Только бы добраться до резной каменной решетки, только бы укрыться за ее спасительной тенью...

Сердце билось так, что найти беглеца можно было по этому грохоту, дыхание давно стало тяжелым... Пот застилал глаза, щипал их, тек по спине. Нет, не от жары, пот был холодным от ужаса. Но страх толкал вперед.

Конечно, его догнали...

— Я все верну! Все отдам!

Третий, не обращая внимания на его сбивчивый умоляющий шепот, протянул на ладони что-то прозрачное и блестящее:

— Ты этим хотел нас обмануть? Этим?!

Он снова зачастил умоляюще:

— Я все отдам! Все верну, и деньги тоже! Я...

Ладонь перевернулась, прозрачное сердце соскользнуло с нее на пол, в стороны полетели осколки.

Последнее, что он увидел, — это блестевшие в колеблющемся свете факелов осколки стекла, а последним ощущением был ужас — невыносимый, повергающий душу в ад еще при жизни...

Утром охрана Тадж-Махала обнаружила в подземной галерее подле саркофага Мумтаз изуродованный труп известного индийского миллиардера и продюсера, на чьем счету немало популярных фильмов. А на самом саркофаге сердце, вырезанное из его груди.

Прессе не сообщили, что ночью на территории комплекса была стрельба и двое преступников убиты. Журналисты пронохали об этом сами, полиции пришлось признаться, что двое злоумышленников застрелены. Но как произошло само убийство, никто понять не мог, ведь даже камеры видеонаблюдения ничего не зафиксировали!

По городу поползли слухи, что это месть богини Кали, которую чем-то оскорбил убитый.

А еще, что возродилась одна из организаций последователей богини, в отличие от тугов не душившая своих жертв, а вырезавшая у них сердца.

Агра в ужасе притихла, чтобы немного погодя взорваться бурей негодования.

Глава 1

Выстрелы в Букингемском дворце — такое не могло при-
сниться в самом страшном сне. Но все когда-нибудь случается
впервые.

Я стою перед распахнутым полупустым шкафом и пытаюсь
сообразить, что из его содержимого подойдет для предстоя-
щего мероприятия. Предпочитаю удобство всему остальному,
но сейчас тот редкий случай, когда над внешним видом при-
ходится задуматься.

В моей руке красивая с золотым тиснением карточка —
пригласительный билет на выставку алмазов в Букингемском
дворце. Вручил вчера Эдвард Ричардсон — мой начальник,
которого я упорно не желаю считать бывшим, потому что не
желаю признавать себя списанной в утиль.

Это Ричардсон посоветовал мне обратиться к нынешнему
министру национальной безопасности Элизабет Форсайт
с просьбой вернуть на службу. Решить вопрос может только
она, значит, ее и нужно убедить, что пересаженное мне год на-
зад донорское сердце не хуже моего собственного, бывшего
(не совсем так, но это мое личное дело).

Письмо я сочиняла неделю, потом две недели ждала ответ,
и вот он — приглашение на открытие выставки бриллиантов в
присутствии королевы. Что это — способ сократить беседу до
полминуты, чтобы легче было отказать?

Но не пойти нельзя. И не потому, что пресса объявила вы-
ставку главным событием сентября, а алмазы — тремя частями
знаменитого «Великого Могола». Просто это единственная

возможность перехватить министра между бесконечными командировками. Организация нового министерства — вещь сложная, и Элизабет Форсайт человек занятой. Что ж, если для встречи с ней придется идти в Букингемский дворец, я пойду туда, хотя предпочла бы разговор в служебном кабинете.

Эдвард, передавая пригласительный, заметил, что выставка бриллиантов не самое тяжелое испытание. Как сказать...

Что надеть? В чем вообще ходят на выставки алмазов, да еще и с участием королевы? Конечно, в бриллиантах. Но у меня их нет, никогда не было и не будет, не мое это. И единственное вечернее платье, которое мы покупали с Джоном, на вешалке смотрится куда лучше, чем на мне.

Клиническая смерть слишком жестокая диета. Как говорит Эдвард Ричардсон, от меня остались кожа, кости и горящий взгляд. Но платье нельзя надеть не только из-за худобы. Оно декольтированное, а я теперь ношу все закрытое до подбородка. Рубцу, оставшемуся после операции, мог бы позавидовать Франкенштейн, на меня в декольте без слез не глянешь.

А раз так... Я заглядываю в билет. Форма одежды не обозначена, значит, бриллианты и вечернее платье необязательны. Не сдержавшись, швыряю платье в угол шкафа, но потом достаю и, тщательно расправив, вешаю на видном месте снаружи — пусть висит напоминанием о моих упущенных возможностях. Если бы это был только отказ от декольте...

В то время, как я натягивала тонкий бадлон со стойкой, зазвонил телефон. Это Эдвард.

— Надеюсь, ты уже собираешься?

— Да.

— Прислать машину?

— Доберусь на метро. Это проще, чем искать парковку у выставки. — Вторая фраза — попытка смягчить резкий тон первой.

— Ладно, — бурчит Ричардсон. — Будь осторожна, Джейн.

Чего это он?

Я фыркаю:

— Клянусь!

Рука скользнула к левому боку — до сих пор машинально проверяю кобуру своего «Зиг Зауэра». Там пусто, пистолет с одиннадцатью оставшимися в магазине особо мощными патронами 9×19 мм «парабеллум» под замком в оружейном сейфе. Из-за двенадцатого использованного у меня отобрали пистолет и возвращать не намерены, запрещено даже самой купить какой-нибудь крошечный «Глок» для дамской сумочки. Так психологи заботятся о моем здоровье, не понимая, что для меня было бы лучше просто вернуться к прежней жизни и работе.

«Зауэра» нет... кобуры нет... А я есть?

А вот черта с два! Я есть.

Не вернут на службу — стану частным детективом. Нельзя же списывать человека со счетов только потому, что у него был разрыв сердца. Пересадили ведь донорское.

От этого злого решения почему-то становится легче, хотя я прекрасно понимаю, что и частному детективу на владение оружием нужно разрешение.

Никуда я не уйду, и думать об этом некогда, мне пора в Букингемский дворец — любоваться бриллиантами.

Все мои куртки достаточно просторны, чтобы скрыть наплечную кобуру, потому в них нынешняя худоба либо не слишком заметна, либо, наоборот, бросается в глаза. Поколебавшись несколько секунд, я выбираю светлую из тонкой кожи. Очень демократично — идти на мероприятие с участием королевы в кожаной курточке и брюках.

Но мне наплевать. Меня не интересуют драгоценности, те, с кем я борюсь многие годы, торгуют оружием, а не бриллиантами. И на выставку меня ведет желание встретиться не с загадочным алмазом, а с нашим новым министром.

Переходя из Национальной службы криминальной разведки (National Criminal Intelligence Service) во вновь созданное SOCA — Агентство по борьбе с особо опасной организованной преступностью, Ричардсон взял меня с собой.

Наше агентство терпеть не могут все — от МИ5 до конной полиции, откровенно считая нахлебниками. Это простая